

ПУТЕШЕСТВИЕ В «ШВАМБРАНИЮ»

Елена Бесчетнова

1905 год... Неудачи в войне с Японией, Кровавое воскресенье. В России одно крупное потрясение сменяет другое. Вести о событиях, будоражащих страну, доходят и до Покровской слободы, раскинувшейся на левом берегу Волги напротив Саратова.

В доме на Кобзаревой улице у доктора Абрама Григорьевича Кассиля собралась местная революционно настроенная интеллигенция. Разгорелся спор о будущем России.

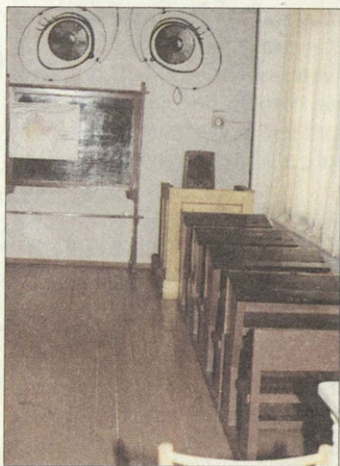
По улице медленно прогуливался городской, искося поглядывая на окна подозрительной квартиры.

Хозяин, Абрам Григорьевич Кассиль, заметив это, усиленно пытается изобразить, что гости отмечают годовщину Полтавского боя. Он периодически высовывается в окно и декламирует стихи А.С. Пушкина.

Страсти тем временем распались. Эсеры начали ссориться с эсдеками. Жена доктора, Анна Иосифовна, принимавшая активное участие в споре, разволновалась и почувствовала себя плохо. Гости стали поспешно расходиться.

К вечеру в семье Кассилей родился первенец. Назвали его громко — Лев, а дома звали просто Леля или Левушка.

Шло время. Леля рос, становился все более подвижным и любопытным.

Зал «Кондуит»
Фрагмент экспозиции
Музея Льва Кассиля

Через три года на свет появился его брат Иосиф, которого задиристый Леля окрестил Оськой.

Братья жили дружно. Вместе играли в игрушечные поезда, автомобили и пароходы. Изучали языки, музыку, рисование. Занимались в гимнастической комнате. Им «было оборудовано классическое «золотое детство» — с идеалами, вычитанными из книжек «Золотой библиотеки». Они действительно были очень начитанны: знали наизусть сказки братьев Гримм, греческие мифы, русские былины.

И, конечно же, как и все дети, мальчики мечтали.

Леля, например, как и многие его «пешие сверстники», мечтал стать извозчиком, так как «автомобили и самолеты в то время обретали еще пределы мечты». Хотел он быть также кораблестроителем, так как все

детство братьев «доставали гудки волжских пароходов». «Они тянулись из далекой глубины ночи, будто нити: одни тонюсенькие и дрожащие, как волосок в электролампочке, другие толстые и тугие, словно басовая струна в рояле». Леля даже мастерил модели судов. А об одном из самодельных пароходов, «типа «Самолет», названном им «Добрыня Никитич», написали в местной газете.

У Лели было много увлечений. Он собирал гербарий, коллекцию бабочек и жуков, которая ночью «бежала вместе с булавками». Кроме того, «музыканты утверждали», что у него «отличный слух и мягкое туше».

Оська рано выучился читать, поэтому в голове у него возникла путаница. Он путал «помидоры» с «пирамидами», вместо «лептописцы» говорил «пистолетцы» и недоуменно спрашивал покровского священника: «Тетя! А зачем на вас борода?»

С детства мальчики были окружены заботой и вниманием. Добрейшим человеком была их няня, — Мария Петровна Сычева. С двенадцати лет пошла она в услужение к Кассилям. Няничла детей и помогала Анне Иосифовне на кухне.

Взяли ее для маленького Лели, уже при ней родился и вырос Ося.

Леля рано умел читать и учил грамоте няню. «Бывало,

заставит что-нибудь выучить, а мне некогда», — с нежностью вспоминает Мария Петровна. Леля ей говорит: «А тогда, нянюшка, иди становись в угол». А Абрам Григорьевич — ему: «Раз Машенька наказана, то тебе, Леля, посуду мыть».

В семье Кассилей к прислуге относились уважительно. Ко всякому празднику обязательно преподносили Машеньке подарок. Однажды, на Рождество, приготовили всем подарки под елкой. Няню не забыли тоже. Леля, узнав об этом, доложил Машеньке: «Нянюшка, и тебе Дед Мороз что-то принес». А Ося, услышав это, пробежал к чуланчику, где стояло блюдо с пирожными, выбрал несколько самых красивых и подарил няне.

С кухаркой Аннушкой, которая позднее будет описана Львом Кассилем в повестях «Кондуит» и «Швамбрания», братья дружили. Разница в возрасте была небольшая: Леле — девять, Аннушке — шестнадцать лет. Они вместе ходили на каток. Леля учил Аннушку кататься на коньках. Когда родители уходили из дома, дети вместе с Аннушкой лезли в погреб «снимать сливки» с варенья.

Отца Лели и Оси, доктора А.Г.Кассиля, знала вся Покровская слобода. Свадебные кортежи останавливались у «докторского дома», чтобы засвидетельствовать свое почтение. В народе его называли просто — «бабий бог». Однако, когда он отставив койку для общественной больницы, сход богатых «сыто бубнил»: «Нэ трэба». Нелегко молодому доктору было бороться с отсталостью покровчан.

Мать, Анна Иосифовна, происходила из семьи сара-

товского купца 2-й гильдии И.М.Перельмана. Она получила блестящее образование, знала французский язык и давала уроки музыки на дому. Все детство мальчиков «было положено на музыку».

«У мамы тонкие длинные пальцы, — вспоминал Лев Кассиль. — Изнеженной барышней она храбро покинула большой город и уехала с папой в «земство», в деревню, к далекой и глухой Вятке. Там ей суждено было просидеть много бессонных ночей у черного разужоренного стулеша окна в ожидании отца, который ездил в далекое село к больному».

Покровская слобода, куда в 1904 году переехала чета Кассилей, мало чем отличалась от Вятки. Зимами здесь тоже «ходит пурга». «Степь снегами и вихрями вторгается в слободу. Всю ночь тогда покровские церкви мерно звонят. Колокол указывает дорогу заблудившемуся в степи».

До 1914 года город Покровск был слободой. «Слобода Покровская. Слобода была богатая. На всю Россию торговала хлебом... Жили в слободе Покровской украинцы-хлеборобы, богатые хуторяне, немцы-колонисты, лодочники, грузчики, рабочие лесопилок, костомольного завода и немногих русских крестьян», — пишет Лев Кассиль в «Кондуите и Швамбрании».

Быт покровчан, по воспоминаниям писателя, был незатейлив и весел: «Летом катились до синевы под степным солнцем, гоняли верблюдов. Ездили на займище, дрались на берегу. Гонялись на лодках с саратовцами. Зимой пили. Справляли свадьбы, танцую по Брешке. Лузгали подсолнухи. Зажиточные хуторяне собирались в волост-

ном правлении на сходку. И, если подымался вопрос о постройке новой школы, о замощении улиц и так далее, горланили обычную резолюцию: «Нэ трэба!»

Болота и грязь затопляли слободские улицы. Так жили в слободе Покровской, в семи верстах от Саратова».

В 1913 году в газете «Саратовская копейка» появилось объявление, в котором сообщалось о том, что «врач А.Г.Кассиль переехал на Базарную площадь, дом Ухихных».

Кассили заняли первый этаж дома. Кабинет Абрама Григорьевича, где он принимал больных, в представлении ребят был «капитанским мостиком», — вход посторонним туда был запрещен. Гостиная — «рубка первого класса», в столовой — «кают-компания», комната Аннушки и кухня — «третий класс, трюм, машинное отделение». А дом в целом представлялся большим пароходом, «бросившим якорь в тихой гавани Покровской слободы».

Из окон своей комнаты мальчики любили смотреть на Покровскую (в народе — Базарную) площадь. Зрелище было впечатляющим: «В открытые окна рвалась визгливая булга торговки. Пряная ветошь базара громоздилась на площади... Вozы молитвенно простирали к небу оглобли. Снедь, рухлядь, бакалея, зелень, галантерея, рукоделие, обжорка».

За углом, на пересечении улицы Кобзаревой и Хорольского переуллка (ныне ул. Коммунистической и Театральной) находился «синемаграфический электротетатр «Эльдорадо», куда Левушка Кассиль ходил вместе с мамой, папой и няней смотреть приключенческие киноленты.

Дом Н.А.Ухина, где жила семья Кассилей
в 1913–1917 годах
Ныне административное здание

От «Эльдорадо» по мощной части Базарной площади до дома Ухиных проходил неширокий бульвар, который покровчане называли «Брешка» и «Брехаловка» — от слова «брехать», то есть разговаривать. Это было место встречи и гуляния всех жителей слободы.

Кассиль писал позднее: «Вся Брешка — два квартала. Гуляющие часами толкались туда и назад, от угла до угла, как волночки в ванне от борта до борта... Сплошной треск разгрызаемых каленых семечек стелился над толпой. Вся Брешка была черна от шелухи подсолнухов. Семечки назывались у нас «покровский разговор».

Мальчики не любили Брешку. Однажды им в голову «пришла ослепительная идея». Они решили открыть свою «страну обето-

ванную», «где все по справедливости», «кино каждый день» и «все дети от родителей свободные». Это случилось 8 февраля 1914 года, когда братья отбывали очередное наказание в углу, в темной «аптечке». Так называлась полутемная проходная комната, где находились пузырьки, бутылки с микстурами, коробочки с лекарственными порошками. Дело в том, что папа считал наказание «стоя» негигиеничным, а поэтому не ставил в угол, а сажал.

«На 12-й минуте братишку, как младшего, помиловали, но он отказался покинуть меня, пока мой срок не истечет, и остался в углу. Несколько минут затем мы вдумчиво исследовали недра своих носов, когда носы были исчерпаны, мы открыли Швамбранию», — вспоминает Лев Кассиль.

Швамбранья, «страна вулканического происхождения», была названа в честь писателя Шваба, написавшего любимую книгу ребят «Легенды и мифы Древней Греции».

Они наблюдали, как за окном медленно «плыла Брешка», а на подоконнике «воздвигались невидимые дворцы», воздушные замки, распускались пальмы. На подоконнике была Швамбранья!..

Пришло время Леле идти учиться. И вот «в первый день, торжественный и страшный, серьезный августовский день, я в новых ботинках (левый чуть жал) поднялся к дверям гимназии», — читаем мы в повести Льва Кассиля «Конduit и Швамбранья». Покровская гимназия располагалась в большом казенном здании (ныне Технологический

Зал «Кабинет А.Г.Кассиля»
Фрагмент музейной экспозиции

институт). И порядки здесь тоже были насквозь «казенные». Над всеми гимназистами довлел и безраздельно господствовал «Кондуит». Так назывался штрафной дисциплинарный журнал, в котором записывались все провинности гимназистов. В переводе с французского это слово обозначало «поведение». В гимназии «все дороги вели в «Кондуит».

Гимназистам нельзя было гулять по Брешке, Базарной площади, надевать рубашку с вышитым воротником, шинель внакидку, иначе можешь попасть в «Кондуит» и остаться без обеда.

«Сизяки» — так звали гимназистов за их шинели сизого цвета, тоже в долгу не оставались. Они «воровали на базаре, дрались на всех улицах с парнями. Били городских. Учителям, которых невзлюбили, наливали всякой гадости в чернила. На уроках тихонько

играли на расщепленном песте, воткнутом в парту».

Чтобы отомстить директору гимназии, городской думе и родительскому комитету за то, что те запрещают учащимся гимназии гулять по Народному саду, «сизяки» устроили широкую «звонкорезную кампанию».

Раньше в городе Покровске не было электрических звонков, поэтому покровчане гордились своим «электрическим звоном». «Моду» на звонки завел «новый доктор», приехавший в Покровск, «когда еще тот был слободой». Фамилия «любителя науки и техники» осталась неизвестной. Но он прославился тем, что провел у себя в квартире звонок с электрическими батарейками. Пациентам, приходившим к нему на прием, очень нравилось нажимать на кнопку и слушать, как звенит звонок. Благодаря своему нововведению доктор приобрел огромную практи-

ку. Жители города Покровска решили также обзавестись звонками.

«Через пять лет, — пишет Кассиль в «Кондуите и Швамбрании», — не осталось ни одного домика с крылечком, на котором не было бы кнопочек. Звонки звенели на разные голоса. Одни трещали, другие переливались, третьи шипели, четвертые просто звонили. Около некоторых кнопок висели вразумляющие объявления: «Прозба не дербанить в парадное, а сувать пальцем в пупку для звонка».

«Покровчане гордились своим культурным звоном. О звонках говорили с нежностью и увлечением. При встрече спрашивались о здоровье звонка:

— Петру Степановичу! Мое вам... Ну, як ваш, новенький? Справил мастер?

— Спасибо, справил. О це ж гарний звоночек. Милости просим послушать. Чистый канарей.

Свахи, расхваливая невесту, хвастали:

— Дом за ей дают флигерем, на парадном звонке лирический».

Гимназисты организовали «Комитет борьбы и мести» и, решив, что против них весь город, бросили призывный клич: «Режь звонки!» Список «Кондуита» после этого заметно пополнился.

После революции 1917 года гимназию упразднили. Леля перешел учиться в Единую трудовую школу, которая образовалась после слияния женской и мужской покровских гимназий. Он стал заниматься в библиотеке-читальне. Выпускал там рукописный литературный журнал «Смелая мысль», где был и редактором, и художником, руководил драмкружком.

Со Швамбранией было покончено.

Много перемен произошло и в семье Кассилей. Уважаемого доктора Кассиля переселили в дом 42, на Аткарской улице. Из этого дома в 1923 году по окончании трудовой школы Лев Кассиль уехал учиться в Москву.

Там он становится известным детским писателем. В своей первой повести «Кондуит» (1930) он описывает Покровскую гимназию, а в «Швамбрании» (1933) страну, которую они с Оськой придумали. Позднее эти две разные книги будут объединены в одну

под общим названием «Кондуит и Швамбрания» (1935). Первая публикация, очерк «Изустный период в городе Покровске», появившаяся в журнале «Новый Леф» (№ 1, 1928), посвящена родному Покровску.

Отголоски впечатлений детства есть и в романе «Вратарь республики» (1938), где он описывает свое раннее увлечение — футбол.

Любовь к Покровску проходит через все творчество Льва Кассиля.

В повести «Дорогие мои мальчишки» (1944) есть такие слова: «По-моему, кто не любит свой город, где сам родился и вырос, так города, где другие родились, он совсем уж не полюбит. Что же тогда, спрашивается, он любит на земле?»

Брат Лели Иосиф закончил Саратовский университет и к середине тридцатых годов стал известным в Саратове литератором. Иосиф Кассиль возглавлял саратовскую писательскую организацию, участвовал в организации альманаха «Литературный Саратов», в котором и была опубликована его повесть «Крутая ступень», вышедшая в роковом для Иосифа 1937 году. Автора обвинили в антисоветизме, в желании «опо-

рочить партийные органы», «оклеветать советских студентов и коммунистов» и «замазать вредительскую деятельность врагов». Иосиф Кассиль был оклеветан, изгнан из партии, осужден, уничтожен. Его поглотили бесконечные недра ГУЛАГа.

Лев Кассиль пытался спасти брата, «подавая прошение» во всевозможные инстанции. Все было бесполезно.

Единственное, что смог сделать Кассиль, — это спасти свою «столько раз от осанны к анафеме низвергаемую», «опальную» «Швамбранию», в которой был описан Оська и которая постоянно претерпевала нападки цензуры. Когда книга вышла в издательстве «Золотая библиотека», Лев Кассиль писал в своем дневнике: «Вот и пойдут мой Оська в школы и библиотеки».

В городе детства писателя 9 ноября 1995 года открыт музей, посвященный его жизни и творчеству. Он находится в доме по улице Льва Кассиля — бывшая Аткарская, 42. Это последний адрес семьи Кассиля в городе Покровске, который в 1931 году был переименован в город Энгельс.

В доме оставались жить родители. Дети разлетелись из гнезда, сохранив в душе память о Покровске, родном городе детства, улицами которого они «входили в жизнь».

Музей Льва Кассиля на бывшей Аткарской улице

